

Сюй Чжичжэнь лег спать поздно — они болтали до часу ночи, и только потом он отправился в постель. Несколько раз ребята пытались вовлечь в разговор Се Бэя, но тот молчал, и все решили, что он уже спит. На самом деле Се Бэй был в смятении: держал телефон, не зная, что делать, просто читал переписку до часу, потом открыл поиск, но не знал, что искать. В конце концов отложил телефон, выключил свет и лёг, но ворочался без сна. Едва задремав, он был разбужен будильником. С всклокоченными волосами и мрачным лицом он собрал вещи, нахлобучил кепку и вышел из номера сдавать ключ.

Сюй Чжичжэнь тоже спал неважно, но всё же лучше, чем Се Бэй. Как только сел в машину, он снова уснул, оставив Се Бэя наедине с его дурным настроением.

Глядя на мелькающие за окном пейзажи, Се Бэй взъерошил волосы. Раздражение клокотало внутри. Он пытался успокоить себя: это всего лишь случайность.

В конце концов, у мужчин такие реакции возникают гораздо чаще, чем можно подумать. Любая неожиданная мелочь или трение могут вызвать мгновенное возбуждение. Такое случилось и раньше, просто...

Всё внутри сжималось от невысказанного. Ему хотелось просто застонать. Как он дошёл до такого?

Хотя он и понимал, что случайная физиологическая реакция и реакция, вызванная мгновенным душевным движением, — это разные вещи.

Но он ведь был гетеросексуал.

Будучи ребёнком-актёром, Се Бэй почти не имел возможности встречаться. Даже в юности у него были лишь смутные симпатии и влюблённости. Он мог считать какую-то девушку красивой или приятной, но даже мысли о романтических отношениях не допускал — ни он сам, ни его агент строго это пресекали.

Се Бэй был гораздо более предан карьере, чем можно было предположить. Именно поэтому он выбрал учёбу в Центральной академии драмы и даже выделил длительный период, чтобы не сниматься, а полностью погрузиться в учёбу. Этот фильм стал исключением — проект был согласован давно, и он не мог подвести людей, даже если пришлось брать отпуск для съёмки.

Даже когда он снимался в «Чжаочжао», играя человека, пережившего насилие, откровенных сцен, связанных с этой темой, было немного. Он лишь получил базовые консультации от специалистов, немного изучил материал и сыграл роль под руководством режиссёра и сценариста. Его собственное понимание гомосексуальности было крайне поверхностным.

Кто бы мог подумать, что спустя годы он сам, по собственной воле, испытает влечение к мужчине, да ещё и отдаст себе отчёт, что это произошло из-за мгновенного сердечного порыва.

Он прикусил нижнюю губу. В отражении на стекле мелькнуло его растерянное и слегка смущённое лицо. Он не выдержал этого взгляда и откинулся на спинку сиденья.

Взглянул на соседа — тот спал без задних ног, словно его хоть сейчас укради — и ничего не заметит.

Всю дорогу он так и не пришёл ни к какому выводу. Но, будучи человеком с лёгким характером, Се Бэй всё же набрёл на решение: ничего не менять. Чёрт побери, это всего лишь

мимолетное чувство! Кто их не испытывает? Кто не знает таких физиологических реакций? Сердце ёкнуло — что ж, разберёмся позже. Главное, он-то точно знает, что он стопроцентный, прожжённый гетеросексуал.

Когда они вышли из машины, этот самый «прожжённый гетеросексуал» Се Бэй бодро и решительно направился к багажнику за чемоданами. Сюй Чжичжэнь же, с трудом разлепляя глаза, стоял в растерянности. Уже приехали? Только так? О... Родная Центральная академия драмы, я вернулся!

В выходные в институте было не так уж безлюдно, но кроме тех, кто пропадал в репетиционных или сидел в общежитиях, на улице встречались единицы. В конце ноября в Пекине всё ещё опадали листья — медленно, плавно, жёлтым ковром устилая землю. Неподалёку дворник неспешно подметал дорожку, и пока он работал, новые листья продолжали кружиться в воздухе.

Хотя вчера они тоже были в Пекине, сегодня всё казалось иным — словно воздух в Чанпине был особенным.

Сюй Чжичжэнь помог выгрузить чемоданы. Водитель, выполнив работу, уехал. Остались они вдвоём с Се Бэем, тащившие по два чемодана вверх по лестнице. По пути встретили однокурсника, спускавшегося вниз. Тот, увидев их, радостно всплеснул руками:

— Вернулись? Всё прошло хорошо?

Сюй Чжичжэнь, с трудом волоча тяжёлый чемодан, попытался изобразить улыбку:

— Да, нормально. Привезли сувенирчиков, потом занесём вам в комнату.

— Ой, не стоило! Спасибо большое! Ну, я побежал!

— Пока!

Однокурсник, будто с невидимым весёлым хвостиком, побежал дальше, и в воздухе, казалось, витали незримые розовые пузыри. Сюй Чжичжэнь тихо вздохнул. Се Бэй нахмурился:

— А он чего такой радостный?

Сюй Чжичжэнь совершенно спокойно парировал:

— Ты что, не в курсе? Он в отношениях.

Се Бэй: «??? Когда это успел? С нашей однокурсницей?»

Сюй Чжичжэнь слегка презрительно косясь на него, шагнул на следующую ступеньку:

— Пару дней как. И не с девушкой, а с парнем с драматургического.

Се Бэй остался стоять в полной прострации. Парнем? Но... Почему Сюй Чжичжэнь так спокоен?

В комнате общежития Сюй Хайшунь и Чжэн Чэн благополучно валялись на кроватях. Увидев вернувшихся, моментально прыгнули и принялись размахивать руками в знак приветствия. Отсутствовали-то всего дней десять, а чувствовалось, будто прошло гораздо больше. Все были рады встрече, весело распаковывали чемоданы и делились привезёнными гостинцами.

«Сувенирами» это можно было назвать с натяжкой — на месте ничего особо примечательного не нашли, поэтому купили просто разные виды местной выпечки, печенья и лепёшек. А уже в пекинском аэропорту, перед вылетом, заглянули в магазинчик со сладостями и набрали японского шоколада и пирожных — чтобы раздать всем.

— Вот эти гостинцы я расфасовал по коробкам, на комнату — по одной. Шоколад тоже. Доедите — помогите разнести остальным, ладно? Мы с Се Бэем потом ещё по комнатам пройдемся.

Се Бэй, сидя верхом на стуле, лениво разворачивал упаковку с пирожным. Услышав, не стал возражать, лишь слегка кивнул в знак согласия. Выглядел он, как всегда, с отстранённо-холодным выражением, но в этот момент казался удивительно сговорчивым.

Сюй Хайшунь, набравший за осень изрядную «прослойку», с завистью разглядывал вернувшихся: и Се Бэй, и Сюй Чжичжэнь явно похудели. Се Бэй, всегда державший себя в форме для съёмок, был не так заметен, а вот Сюй Чжичжэнь... Щёки впали, черты лица стали чётче, орлиный взгляд — ярче, прямой нос и мягкие, чуть приподнятые уголки губ. Кожа стала какой-то нежной, будто фарфоровой, и от него в целом исходило какое-то внутреннее свечение. Сюй Хайшунь не выдержал и потянулся потрогать его щёку:

— Братан, ты что, на рекламу отбеливающих средств снялся? Блин, так побелел!

Сюй Чжичжэнь слегка смутился и потер нос:

— Требования роли... На съёмках приходилось много пудриться, гримёрша посоветовала мне одним кремом для осветления пользоваться. Но, вроде, и правда помогло...

Чжэн Чэн, пристроившись на корточках на стуле, откусил от рассыпчатой лепёшки, скривился, потянулся к Се Бэю за кусочком шоколада, чтобы перебить вкус, и буркнул:

— Но по-моему, дело не в том, что ты побелел. Ты как-то... мужественнее стал. И в то же время — мягче... — Он причмокнул, его вихор торчал, как у Пикачу в его пижаме из плюша. Подумав и не найдя точных слов, он просто махнул рукой:

— Короче, изменился. Определённо похорошел. А как описать — не знаю.

Сюй Чжичжэнь и сам чувствовал внутренние перемены. Выйти из роли за один день после завершения съёмок было нереально. Он лишь усмехнулся и перевёл стрелки:

— А Се Бэй? Он изменился?

Оба мгновенно переключились на изучение Се Бэя, обсуждая, заметны ли в нём перемены после поездки. Коробка шоколада была почти опустошена, а к единому мнению так и не пришли. Сошлись лишь на том, что он стал «менее колючим» и «как-то спокойнее». Се Бэй лишь фыркнул, бросил — «Да с чего бы?» — и удалился в ванную.

Сюй Чжичжэнь покатился со смеху.

Разобрав вещи, он позвонил родителям. Сюй Нанькай сказал, что заедет за ним в субботу утром, чтобы забрать домой на пару дней. Линь Нянь на заднем фоне что-то готовила и, высунувшись в кадр, велела ему тепло одеваться. Сюй Чжичжэнь со смехом пообещал. О съёмках не заикались ни с той, ни с другой стороны — видимо, режиссёр уже обо всём переговорил с отцом. Потом ещё поболтал с бабушкой У Сюфан. К обеду, пользуясь редким выходным, решили сходить куда-нибудь поесть. Чжэн Чэн и Сюй Хайшунь тут же вступили в

спор, кто первым пойдёт в душ — один кричал, что не мыл голову четыре дня, другой — что не мылся три. В итоге Сюй Хайшунь сдался, плюхнулся на стул, уткнулся в телефон и начал перекидываться с Сюй Чжичжэнем бессвязными фразами.

<http://bllate.org/book/16272/1464561>